
Неизвестные возможности дешифрирования и мировоззрения, полученного с его помощью

Стрижко Эдуард Александрович

(Из серии “Недостающие знания об окружающем нас мире и самих себе”)

Предлагаемая работа – это следствие дешифрирования космических снимков (и аэрофотоснимков), в одном случае, осмысливания, домысливания, переосмысливания полученных результатов, в другом, их проверка на местности при проведении геолого-съёмочных работ, в третьем, что привело к трём, ещё неизвестным научно-философскому сообществу открытиям, в четвёртом.

Ключевые понятия.

Дешифрирование. Рассматривание и интерпретация фотографического рисунка космических снимков (КС) и аэрофотоснимков (АФС).

Автор.

Фотографический рисунок. Зафиксированный фотографическим способом естественный рисунок (в данном случае на поверхности Земного шара).

Автор.

Естественный рисунок. То, что есть. То, что сделано не Человеком или машиной, а естественным путём.

Автор.

Самодвижение. Основной закон мироздания.

Автор.

Разлом. Геометрическое изображение пустоты (другое название – “околоземное Пространство”).

Автор.

Открытие. То, что открыто, установлено исследованием, изысканиями; новая истина.

Толковый словарь Ожегова.

Как было сделано первое открытие

Рисуют все, хорошо или плохо – значения не имеет. Важно то, что все мы умеем держать в руке карандаш (ручку), и с их помощью оставлять на бумаге (или другом предмете) очертания чего-то. Даже детям известно, что полученный результат чаще всего называется словом “рисунок”.

Если теперь посмотреть, что мы рисуем, то окажется, что рисуем абсолютно всё: реальные и вымышленные предметы, явления, события, их свойства и отношения.

Так думал и я до тех пор, пока в Монголии (а) мне не встретились локальные рисунки на местности, которые в моей полевой книжке остались в виде следующих очертаний (рис.1). И может быть не обратил бы на них внимание, если бы не обнаружил прямой связи с тем или иным полезным ископаемым.

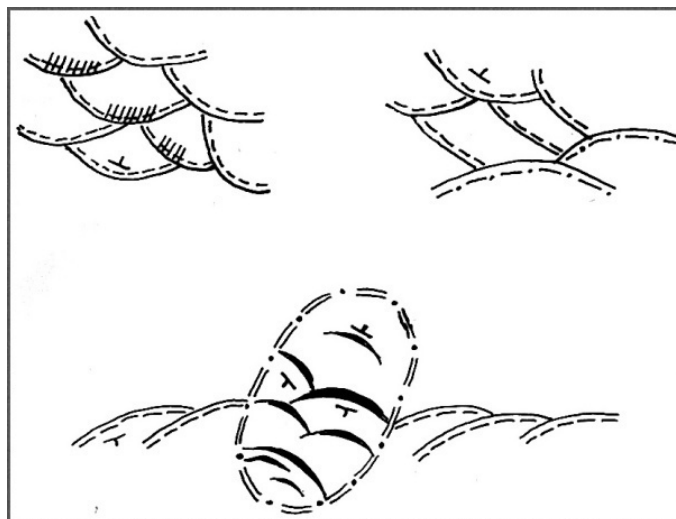

Рис.1. Естественные рисунки на местности

Особенно запомнился один случай, когда, опираясь только на естественный рисунок, наметил место для бурения скважины. Как потом выяснилось, она оказалась точно в центре рудного столба с медно – порфировым оруденением (b).

Именно полученный результат окончательно убедил меня в том, что имею дело не с мистикой, случайностью или геологической удачей, а с прогнозированием по естественному рисунку. Значительно позже нашёл и название, точно соответствующее полученному результату. Это – Геомансия или предсказание месторождений по внешним чертам земной поверхности (с).

Возможно поэтому, закончив работу в Монголии, я не перестал интересоваться естественным рисунком, тем более что этому поспособствовала проблемная ситуация, возникшая на стадии проектирования работ по Космофотогеологическому картированию (КФГК) в пределах Камчатского полуострова и близлежащих островов.

Первопричина её возникновения была связана с выбором поисковых участков на полевой период с помощью дешифрирования космо- аэрофотоснимков и анализа литературных и фондовых материалов.

В переводе на общедоступный язык речь идёт вот о чём. На территории, площадью более 300000км² мне необходимо было выделить не просто несколько участков для проведения полевых поисковых работ, но чтобы площадь каждого из них не превышала 2 – 5км².

Иначе говоря, я должен был предсказать места возможного присутствия полезных ископаемых (“найти иголку в стоге сена”), опираясь не на естественный рисунок (как то было в Монголии), а на дешифрирование и результаты работ других исполнителей. Фактически это означало переход от объективного прогнозирования к субъективному, свою роль в котором видел всего лишь в выделении необходимых для этой цели критериев, т.е. признаков, на основании которых можно было бы оценить территорию Камчатского полуострова и близлежащих островов.

Вот как это происходило, и что из этого вышло (сокращённый вариант анализа).

Из практики геологоразведочных работ известно, что одним из критериев локализации оруденения являются разломы и места их пересечения. С этой целью мной были отдешифрированы космические снимки (КС) на Камчатский полуостров после чего, согласно инструкции, я попытался сопоставить полученный результат с литературными и фондовыми материалами.

Первое, с чем пришлось иметь дело – это с большим количеством региональных карт и схем, прямо или косвенно связанных с разрывными нарушениями. Чтобы как-то их систематизировать, поскольку на ...дцатом изображении стало ясно, что новая информация уже не поступает, десять карт были приведены в один масштаб, а разломы регионального плана совмещены на одном рисунке (рис.2).

Рис.2. Объяснение в тексте

К региональным разломам были отнесены: глубинные разломы, поперечные разломы сквозного типа, главнейшие и крупные разломы, т.е. такие, которые при различном терминологическом обозначении позволяли проводить их наглядное сопоставление.

Удивительно, но до описываемых событий я никогда не думал, что простое изображение разрывных нарушений может в одночасье разрушить годами складывающееся представление о прогнозировании. Глядя на полученный мной же рисунок, я со всей очевидностью осознал, что, имея разломы различного направления и неподдающиеся учёту места их пересечения, предвидение (предсказание) полностью исключается, что и подтвердилось при совмещении рисунка с уже известными месторождениями Камчатки.

Заинтересовавшись столь очевидным фактом, я стал анализировать имеющиеся в моём распоряжении схемы дешифрирования. Увы, результат оказался тот же, с тем лишь отличием, что здесь к “густоте” и “местоположению” разломов добавилась их “форма”. Так, на одних схемах преобладали линейные, на других кольцевые, на третьих – те и другие вместе.

Надеюсь, две схемы дешифрирования, приведённые ниже (рис.3), помогут понять возникшую передо мной тупиковую ситуацию, которая самым невероятным образом оказалась связанной и с рекомендациями по выявлению новых рудных объектов (поисковых площадей).

Здесь суть вопроса состояла в том, что одни авторы утверждали перспективность ортогональной системы, другие – диагональной, третьи – отдельных их ветвей, четвёртые – кольцевых структур (с вариациями в центре или на краю структуры). В итоге не оказалось ни одного неперспективного направления или различных комбинаций их пересечения.

Если бы не выделение поисковых участков для проведения полевых работ, может быть, на полученный результат я не обратил бы внимания. Это – отсутствие определённого критерия для субъективного прогнозирования. Но, когда он повторился при анализе геофизических, структурных, прогнозных данных и не зависел от масштаба работ (d), я оказался перед неразрешимой проблемой: “Как на столь большой территории выделить (спрогнозировать, наметить) необходимые мне участки поисковых работ?”

Другими словами, приведя в единую систему данные многочисленных исполнителей, я получил...

отрицательный результат.

Возможно, при любых других обстоятельствах я “обошёл” бы проблему стороной – благо для этого имелись многочисленные способы, известные не только мне, но и любому геологу, имеющему отношение к поискам полезных ископаемых. Но, вспомнив возможности “монгольского рисунка”, решил поискать его на космических снимках, вопреки, казалось бы, очевидному: имея большой опыт дешифрирования, мне ни разу не приходилось его видеть ни на снимках, ни на схемах дешифрирования других исполнителей.

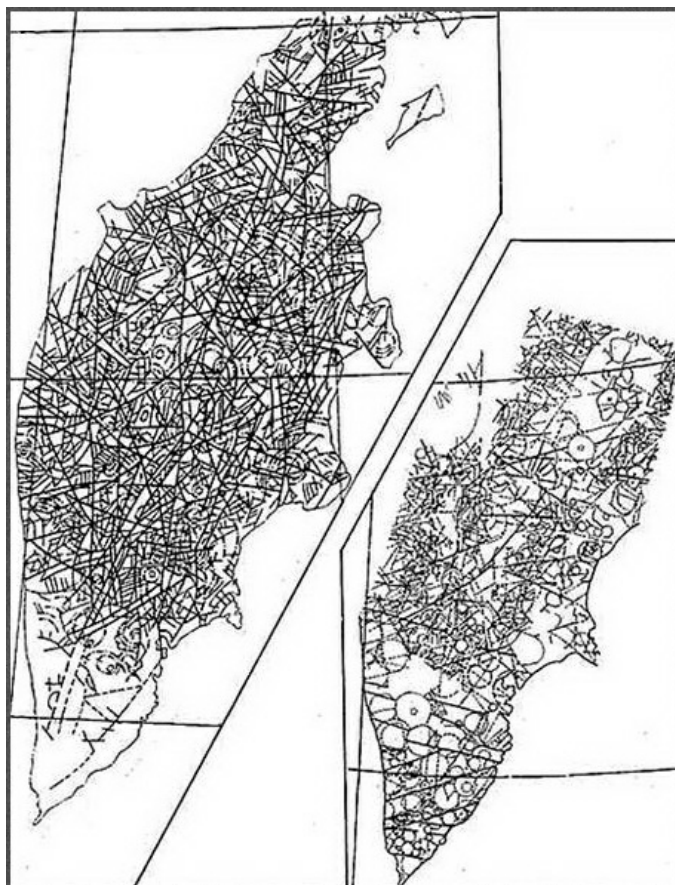

Рис.3. Две схемы дешифрирования на одну и ту же территорию

Словами не передать то состояние, которое испытал, когда вдруг заметил очертания рисунка, который так страстно хотел увидеть. Лично для меня это было не просто открытие, но и подтверждение того факта, что “монгольский рисунок” – это не случайность и не мой вымысел, а повторяющаяся в реальности закономерность.

Вот как она выглядела на этот раз (рис.4).

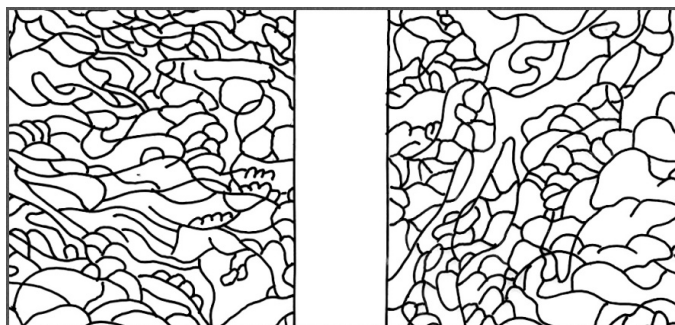

Рис.4. Объяснение в тексте

Казалось бы, чего проще, доказав в Монголии связь рисунка с локальным оруденением взять и ограничить площади проведения поисковых работ (уже на Камчатке) выделенными рисунками. Но этому помешало то обстоятельство, что довольно скоро получил для всей Камчатки единый рисунок,

который назвал “рыбья чешуя” (рис.5).

Я сам и окружающие меня геологи скептически отнеслись к полученному результату, поскольку он не имел объяснения и не поддавался, кроме меня, повторению. И в этом нет ничего удивительного.

Мог ли я тогда знать, что:

- через несколько лет у меня появится возможность рассматривать космические снимки на различные территории Земного шара, после чего прийти к ошеломившему меня выводу: рисунок под названием “рыбья чешуя” не ограничивается только пределами Камчатского полуострова;
- имею дело с началом, понять которое невозможно ни с точки зрения философии, ни с точки зрения психологии, ни с точки зрения науки в целом. Иначе говоря, полученному результату не было места среди известных картин мира. Почему? Потому что сам того не зная, впервые в мировой практике обнаружил самодвижение с помощью дешифрирования космического снимка (первое открытие).

Но это в будущем. А как быть в настоящем, т.е. с ответом на вопрос: “Как на столь большой территории выделить (наметить, предсказать) поисковые участки для проведения полевых работ при полном отсутствии критериев для их выделения (см. выше)?” Проблема? Да, решение которой привело к новым открытиям...

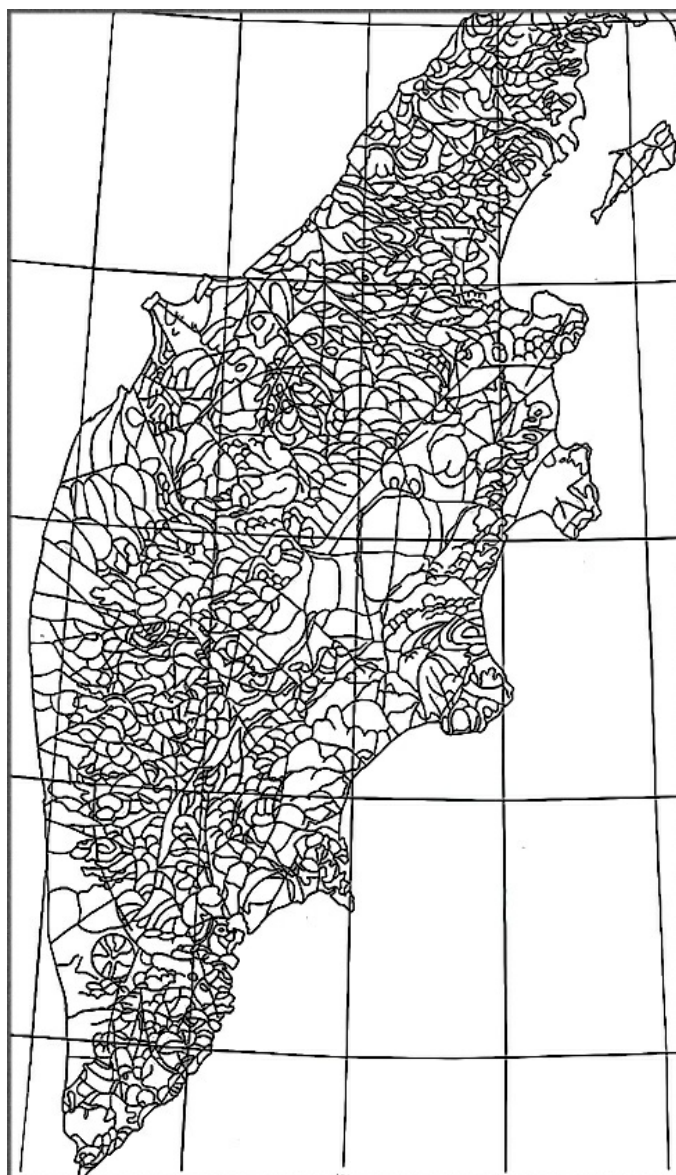

Рис.5. “Рыбья чешуя”. Новое название – “Следы самодвижения”

Как были сделаны второе и третье открытие

Не зная как поступить дальше, я чисто спонтанно начал перерисовывать фотографические рисунки, но довольно скоро понял, что выбранный мной путь – тупиковый путь. И причина тому – неподдающаяся учёту количественная сторона, во-первых, и их бессмысленность, во-вторых. Я не знал, что мне с ними делать, кроме как попытаться получить нечто подобное, каким – либо другим способом. Так появилась матрица (е) (рис.6), бессмысленность которой первоначально также показалась мне очевидной до... одного случая.

Как-то меня срочно вызвали, а матрица, которую до этого разглядывал, осталась лежать на столе. Через какое – то время я вернулся на своё рабочее место и приступил к дальнейшему её разглядыванию. И о ужас! На фотографии увидел незаметные для простого глаза следы от карандаша (кто – то сначала что – то нарисовал, а затем стёр резинкой).

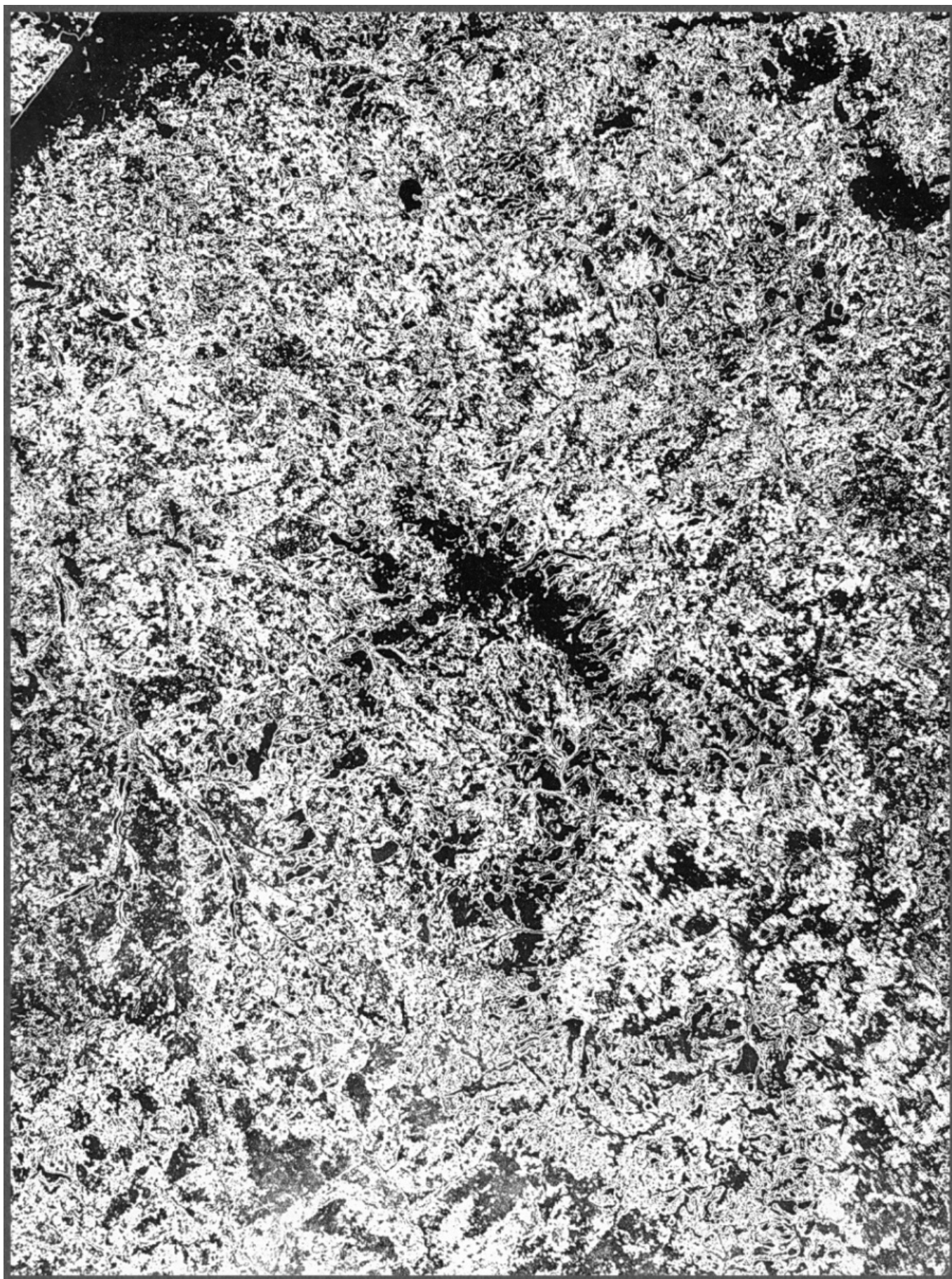

Рис.6. Матрица

Рядовой, казалось бы, случай, но именно он круто изменил моё отношение к бессмысленному фотографическому рисунку. И причина тому – внешнее воздействие на фотографию, анализируя которое я пришёл к неожиданному для себя результату: к решению вопроса о выделении поисковых

участков на полевой период.

Вот как это происходило.

Мне хорошо было известно, что матрица, о которой идёт речь, была сделана с космического снимка. Роль же последнего для меня ограничивалась дешифрированием разломов, линейных зон и линеаментов (f). Поэтому, я сразу обратил внимание на то, что пытался выделить на матрице геолог. Это – разлом. Но какой? Ведь перед ним, как и передо мной, был бессмысленный фотографический рисунок, поэтому говорить здесь о разломе, а тем более о его выделении – вдвойне бессмысленно. Выглядело это так как показано ниже (рис.7).

Слева матрица до- справа – после моего возвращения. Правда, в последнем случае стёртый след карандаша я заменил на хорошо видимую черту – иначе обе фотографии были бы одинаковыми.

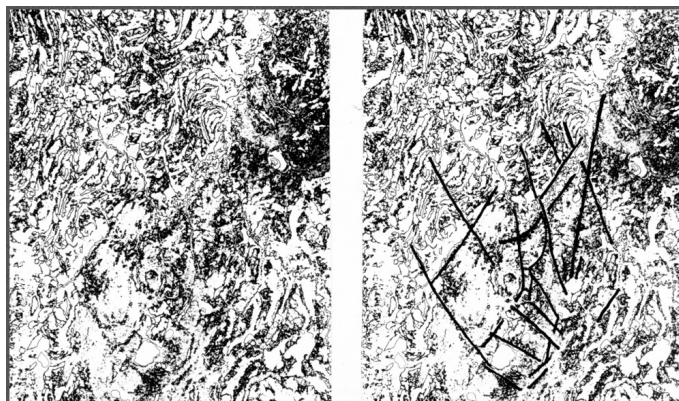

Рис.7. Объяснение в тексте

“Как такое могло быть?” Ведь я рассматривал матрицу в течение нескольких дней, а геолог не более часа. Тем не менее, фотографический рисунок для него бессмысленным не показался. Дело в том, что до этого случая я также различал на матрице различные линии, но никак не связывал их с разломами по причине произвольно созданного фотографического изображения. Значит, подумал я, могу наделять геологическим термином не естественные образования на местности, а нечто другое, которое к ней (местности) никакого отношения не имеет.

Этим нечто стала для меня визуально наблюдаемая линия, в одном случае, и графически изображаемая черта, в другом (g) .

Тем не менее, полученное объяснение меня не устроило, поскольку не затрагивало, как мне казалось, очевидного: “Почему визуальное восприятие фотографического рисунка не совпадает с его графическим изображением?”

Тот факт, что заинтересовавший меня вопрос далёк от стоящей передо мной проблемы, с одной стороны, и от известных мне геологических знаний, с другой, я понял сразу. Другое дело, я не знал где искать на него ответ, всего лишь полагая, что он находится в области психологии.

Поэтому, оставив знакомство с литературой на будущее, я изобразил заинтересовавшее меня несоответствие так, как показано ниже (рис.8).

Рис. 8. Объяснение в тексте

Осознавал ли я значимость выявленного факта? Нет, не осознавал, как и тысячи специалистов, занимающиеся дешифрированием разрывных нарушений. Ведь именно так проинтерпретировал геолог то, что увидел на матрице, а я связал со словом “разлом”. Именно это доказывают “Две схемы дешифрирования на одну и ту же территорию”, приведённые выше (рис.3). Именно так на протяжении многих лет я сам дешифрировал разломы, и если бы не интерес к неизвестным рисункам, данный факт так и остался бы не только вне поля моего зрения, но и всего

научного сообщества. Поэтому, чтобы не оставлять его без внимания, я придумал ему следующее название: “аксиома визуального и графического несоответствия” (второе открытие).

Не скрою, аксиома не нашла понимания у окружающих меня специалистов, что привело к совершенно неожиданному результату, а именно: мне пришла в голову идея доказать сам факт ещё неизвестного (невидимого для других) рисунка, в существовании которого я и сам начал сомневаться. А всё потому что, в отличие от “монгольского рисунка”, я не знал, что нарисовал. То есть, если в Монголии в роли оригинала выступали естественные очертания, то, что сейчас выступало в этой роли?

Не зная, где искать ответ, я решил обойти его следующим образом. Дело в том, что со временем стал не просто перерисовывать фотографический рисунок, а увязывать его графический вариант с тем или иным масштабом топографической карты (об этом речь впереди). И вот здесь выяснилось очевидное сходство рисунка под названием “рыбья чешуя” (“следы самодвижения”) не с “разломом”, а “речной сетью”, которая, как мне было хорошо известно, на космических снимках (и аэрофотоснимках) распознаётся очень детально. Но, полученный с этой целью её рисунок наглядно демонстрировал свою незавершённость (рис.9).

Естественно, фактическое несовпадение двух рисунков привело меня к мысли разобраться с “окончаниями речной сети”, т.е. с так называемыми “формами первичного стока”, поскольку, хорошо зная ситуацию на местности, я никак не мог уловить суть полученной мной “рыбьей чешуи”.

Рис.9. Речная сеть (выкопировка с топографической карты)

Если бы я только знал, сколько для этого потребуется времени, сил и нервов, может быть, мечтами всё и закончилось, а непонятный для меня и окружающих рисунок дополнил бы мою “монгольскую коллекцию”. Но, ясновидящим я не был, поэтому к фактическому несовпадению двух рисунков подошёл с точки зрения взрослой интерпретации детского вопроса: “Сейчас посмотрим, что получится?”

Поскольку действие происходило в предполевой (камеральный) период, местность мне заменили не только космо- аэрофотоснимки, но и топографические карты, с помощью которых я и начал решать вопрос так, как показано на рис. 10.

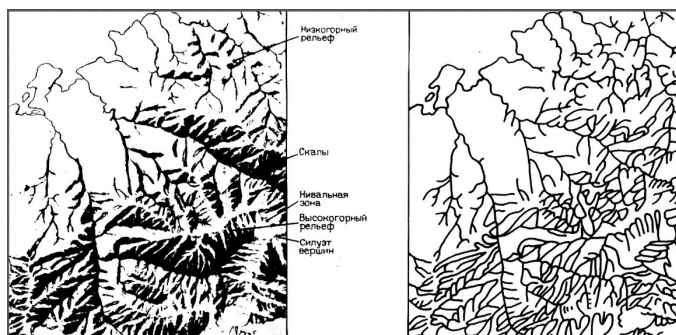

Рис.10. Объяснение в тексте

Это значит, я начал намеренно рисовать (изображать) “рыбью чешую”, придумывая для этого недостающие очертания у “речной сети”.

Другими словами, я стал дополнять готовое изображение деталями, не имея ни малейшего представления, есть ли они на местности.

Тем не менее, их присутствие я интуитивно чувствовал по тем небольшим интервалам, которые оставались в водораздельной, т.е. наиболее высокой части горных хребтов. В конечном итоге это привело к тому, что в решение вышеобозначенного вопроса внёс некоторые коррективы.

Во – первых, намеренное изображение заменил на узнавание предмета в случайном (бессмысленном) сочетании линий. Во – вторых, недостающие “детали” речной сети стал дополнять с помощью фотографического рисунка.

Суть сказанного легко понять, обратившись к рисунку 11. Цифрами здесь обозначены:

1. – фрагмент аэрофотоснимка;
2. – графическое изображение фотографического рисунка (случайное, бессмысленное сочетание линий);
3. – фрагмент топографической карты на эту же территорию;
4. – “рыбья чешуя”.

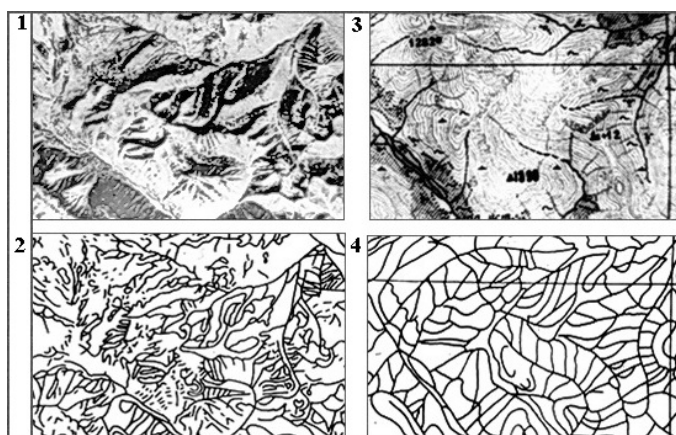

Рис.11. Объяснение в тексте

Тот факт, что я в очередной раз получил “рыбью чешую”, меня не удивил. Удивило другое – она действительно имела место на фотографии.

“Но, может быть, я ошибаюсь?” – всё ещё не давал покоя вопрос. Ведь тысячи специалистов, помимо меня, имеют дело с фотоматериалами, но ничего подобного никому до сих пор видеть не приходилось.

Тем не менее, перенос действия в сферу поиска ответа ни к чему не привёл, поэтому я продолжил взрослую интерпретацию детского вопроса, т. е. решил посмотреть, что получится, если сравнить “готовое” изображение топографической карты с фотографическим изображением и разломом.

Почему топографическая карта и разлом? Дело в том, что первая признана “абсолютным авторитетом” реального изображения местности. И тот факт, что в её изготовлении не последнюю роль играет фотографический рисунок, как раз и стал для меня своеобразным эталоном для сравнения.

Что касается разлома, то вопрос о его субъективном выделении превратился для меня в неразрешимую проблему. И причина тому – аксиома визуального и графического несоответствия, которую стал понимать так: вижу и рисую то, чего нет на фотографии, а значит и на местности! (h).

Но самое интересное другое: я даже не задавался вопросом: “Что же мне делать в сложившейся ситуации, т.е. когда в голове нет ни идей, ни объяснений?” Мне просто захотелось расширить визуальную достоверность выявленного факта, но уже не только с помощью фотографического рисунка, но и топографической карты.

Все необходимые материалы были “под рукой”, поэтому результат, приведённый ниже, получил довольно быстро (рис.12). Что здесь изображено?

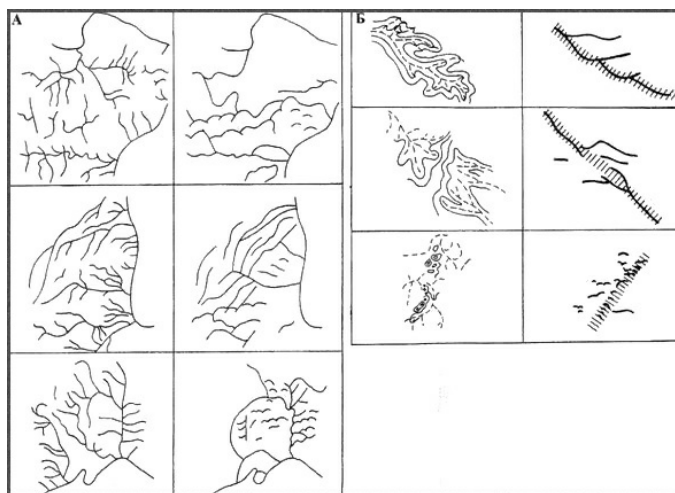

Рис.12. Объяснение в тексте

Левая колонка рисунков – выкопировка с топографической карты: речной сети (А), речной сети (пунктир) и горизонталей (сплошная черта) (Б).

Правая колонка рисунков – графическое изображение фотографического рисунка на эту же территорию (А), с добавлением разломов (штрих – пунктир), скопированных с одной из схем дешифрирования (Б).

Сделав не один десяток аналогичных сравнений, я пришёл к выводу, что рисунок под названием “рыбья чешуя” дешифрируется в более широком диапазоне, чем “речная сеть”. И обратно, полученные мной рисунки напоминают речную сеть, но не дублируют её.

Что касается разлома, то и здесь я убедился в правильности своего суждения по поводу его выделения, изображения и понимания.

Другими словами, после проведения сравнения, мне окончательно стало ясно, что рисунок, который я назвал “рыбья чешуя”, действительно имеет место на фотографии, как и проблема, связанная с выделением и изображением разлома.

Именно данный вывод я считаю началом осознания аксиомы визуального и графического несоответствия, поскольку он позволил совместить два выявленных мной факта в Единое целое следующим образом (рис.13).

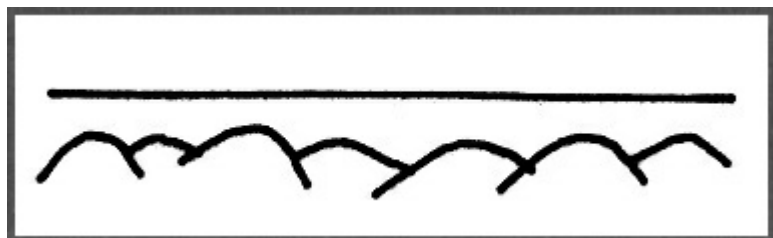

Рис.13. Графический вариант “аксиомы визуального и графического несоответствия” в идеализированном исполнении (второе открытие)

Вверху я нарисовал, как изображается до сих пор разлом, внизу — как выглядит фотографический рисунок, лежащий в основе его выделения. Для наглядности привожу графический вариант в идеализированном исполнении.

Вот та информация, которая предопределила мой дальнейший подход к бессмысленному фотографическому рисунку на предмет выделения поисковых участков на полевой период. Сохранившиеся с этого времени рисунки наглядно показывают, что для этого я начал рисовать, и как нарисованное интерпретировать.

Чтобы понять суть проблемы, надо вспомнить, что к моменту описываемых событий я только — только научился выделять “рыбью чешую” и нечто бессмысленное, которому придумал несколько названий, в том числе и такое: “графическое изображение фотографического рисунка”. Как ни покажется странным, но именно последнее привлекло моё внимание. Почему? Я думаю, у каждого Человека есть подсознательное желание перевести непонятное в разряд понятного. Только так я могу объяснить тот факт, что первым моим действием стало совмещение “нечто бессмысленного” с уже известными проявлениями полезных ископаемых (на фотографиях и графических рисунках, полученных с их помощью, они выделены крупными точками) (рис.14).

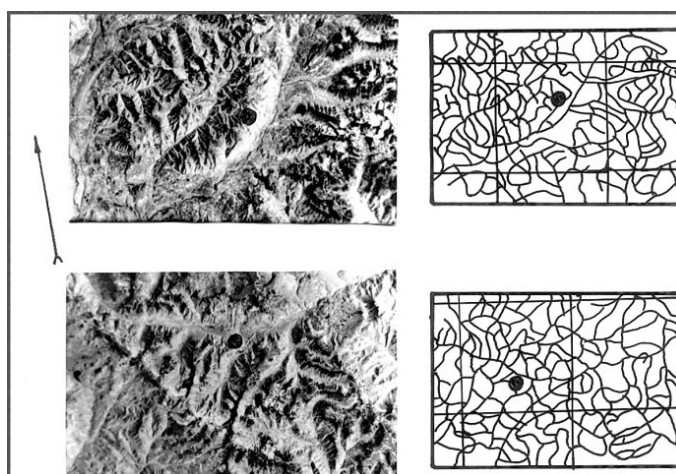

Рис.14. Объяснение в тексте

Тем не менее, дальше визуального разглядывания и рисования дело не двигалось по причине отсутствия... осмысленного восприятия, как я к этому не стремился.

Не проявилось оно и в целой серии рисунков, срисованных с разномасштабных снимков (В, Г) (рис.15).

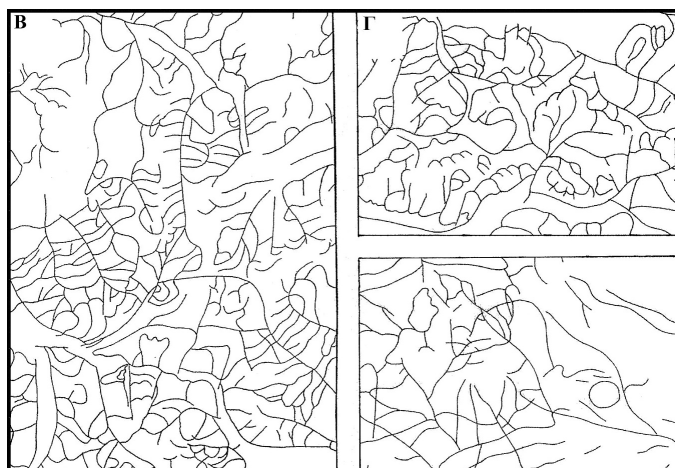

Рис.15. Объяснение в тексте

Правда, элемент узнаваемости всё же присутствовал, поскольку все они (без исключения) приводились в тот или иной масштаб с помощью топографических карт. То есть, я как бы вернулся к уже проведённому мной сравнению (см. выше рис.12), только в более расширенном варианте. Больше того, одно время я даже пытался воссоздать графический вариант фотографического рисунка только с помощью топографических карт (рис.16).

Что касается осмысленного восприятия, то, ещё ничего не зная о психологической проблеме “так называемого восприятия бессмысленного чернильного пятна” [1], связанной именно с осмысливанием наших восприятий, свою проблему начал решать так.

Надеюсь, читатель обратил внимание, что рисунки под номерами 15, 16 резко отличаются от других рисунков, прежде всего, своим визуальным исполнением. Но какой “подтекст” применённого мной приёма? Да, я могу сказать, что здесь имеет место переход от общего к частному или разложение целого на составляющие (анализ). Но какого Целого? На какие Составляющие? Ведь что такое бессмысленный фотографический рисунок? Это – зафиксированный фотографическим способом естественный рисунок на поверхности Земного шара. По отношению ко мне это означало: я впервые сделал то, что до меня никому не приходилось делать, а именно: посмотрел на окружающий нас мир через его же, собственный, т.е. естественный рисунок, что и стало третьим моим открытием.

Рис.16. Попытка воссоздать фотографический рисунок с помощью топографических карт

Отсюда вопрос: “Зачем мне понадобилась матрица?” Отвечаю: “Чтобы провести аналогию с таким ключевым понятием буддийской культуры как дхарма, которую Мьялль определил как текст, порождающий при прочтении новые тексты”[4], которыми для меня стали рисунки, полученные мной же при разложении Целого на составляющие.

Вот сама суть “подтекста”, применённого мной приёма, который позволяет утверждать следующее: дальнейшие мои действия “подсказал” сам рисунок, в котором на фоне общей бессмысленности я стал зрительно выделять ещё неизвестные мне фигуры. В сказанном читатель может убедиться самостоятельно, ещё раз обратившись к рисункам под буквами В, Г, Д (рис.15, 16). Что здесь объективное, а что субъективное? К объективному я стал относить сам рисунок (графический, фотографический, естественный), к субъективному: на первом этапе – способ его ограничения искусственными рамками, на втором – визуальное ограничение.

А как быть с их осмысливанием? – задался я вопросом, которое стало для меня неразрешимой проблемой по причине фактического опровержения хорошо всем известного утверждения: Вначале было слово. Ведь что было передо мной? Рисунки, ещё не имевшие связи с известными словами. Вот почему в далёком уже прошлом на многочисленные вопросы окружавших меня специалистов “Что я рисую?” и “Что я нарисовал?” ответа у меня не было. Так продолжалось до тех пор, пока однажды не осознал следующее: слова нужны для передачи информации от Человека к Человеку, которая, в отличие от рисунков, может быть ложная и истинная. Пример тому – аксиома визуального и графического несоответствия, в которой слово “разлом” не соответствует своему графическому изображению. Пример тому “разломы”, которые на матрице пытался выделить геолог. О чём это говорит? Только о том, что осмысливание может приводить к ложному результату, чем и воспользовался, не имея других путей решения возникшей передо мной проблемы. Конкретно это

выразилось в том, что визуально воспринимаемые фигуры назвал “блоками” и “линейными зонами”, а их ограничения – “разломами” (рис.17).

Я знал, что информация структурных схем, принятых в Геологии, связана, прежде всего, с изображением так называемого структурного фактора, т.е. тех же разломов, блоков, линейных зон и мест их пересечения, которые при прогнозировании полезных ископаемых рассматриваются как потенциальные носители оруденения, т.е. выполняют рудоконтролирующую роль. Поэтому, нет ничего удивительного в том что, выделив вышеперечисленные “лжеструктурные элементы”, я попытался наметить участки поисковых работ.

Так, неожиданно для себя, я полностью решил стоящую передо мной задачу, уложившись даже в указанные ранее размеры, т.е. в интервале 2 – 5 км². Решить – то решил, но как? Вот в чём вопрос, для ответа на который мне пришлось придумать следующее объяснение: районы пересечения или сочленения графических фигур (=“лжеструктур”) могут иметь рудоконтролирующее значение.

Рис.17. Лжеструктурная схема (справа), полученная с помощью графического изображения фотографического рисунка (слева). Здесь же показаны участки поисковых работ, выделенные на основании “лжеструктурных элементов”.

Можно сказать и так: я применил один из известных мне приёмов прогнозирования полезных ископаемых с помощью структурного фактора, роль которого, в данном случае, выполняли места пересечения или сочленения графических фигур с геологическими (точнее – тектоническими) названиями.

К сожалению, предложенная “лжеструктурная схема” с прогнозируемыми участками поисковых работ резко отличается от своего оригинала техническим исполнением. Последний был выполнен в масштабе 1:200000 с применением цветовой гаммы и соответствующими условными обозначениями. Может быть поэтому, у комиссии, рассматривающей готовность партии к проведению полевых работ, не имелось претензий к представленному мной графическому материалу, тем более что способ построения “лжеструктурной схемы” я увязал с дешифрированием космо-аэрофотоснимков, а самой приставки “лже-” не употреблял.

Другими словами, я сознательно пошёл на обман, иначе другого способа проверить собственные “фантазии”, у меня просто не было. Правда, на всякий случай “подстраховался” рекомендациями других исполнителей, которые в избытке (без кавычек) предлагали перспективные площади для проведения поисковых работ.

Изучение открытий непосредственно на местности
(практическая часть)

Начиная полевые работы на выделенных поисковых участках, я понимал всю взятую на себя ответственность, ибо, впервые в своей практике, должен был найти “иголку в стоге сена”

совершенно непонятным способом. Успокаивало только то, что очень большой процент аналогичных участков, выделенных традиционными методами, оказывался бесперспективным. Поэтому, мне не оставалось ничего другого, как довериться Его Величеству Случаю, который не заставил себя долго ждать, поскольку то, что стало происходить дальше, просто перестал понимать.

Дело в том, что в задачу поискового отряда входят не только различные виды опробования (шлиховое, геохимическое, штучное, точечное...), но и поисково-съёмочные маршруты, в которых я участвовал непосредственно. Так вот, буквально в первом же маршруте обнаружил не что иное, как поле кварцевых жил. (Напомню, площадь участков была невелика, поэтому обзорным маршрутом их можно было пройти за один день).

Трудно сказать, что я ожидал, но только не такую удачу – я был потрясён собственным же, прогнозом. Получалось, что я буквально сразу нашёл “иголку в стоге сена”, перспективность которой является вторым по значимости результатом. Именно для этого проводятся различные виды опробования, которые, кстати, занимают достаточно много времени, как и составление геолого-поисковой карты или схемы.

Но одно попадание в “десятку” ещё не закономерность, поэтому с нетерпением стал ждать посещения следующего участка.

“Такого не может быть, потому что не может быть никогда!” – первое, что пришло в голову, когда на другом участке, опять – таки, в первый же день, обнаружил кварцевые брекчии...

Не буду описывать свои восторги дальше, скажу только, что в течение полевого сезона было изучено 6 участков, и все они оказались интересными в поисковом отношении, поскольку в их пределах впервые были выявлены не только кварцевые жилы или брекчии, но и зоны гидротермально изменённых пород с сопутствующим структурно-магматическим контролем.

Но, убедившись в достоверности прогноза, у меня появились и некоторые сомнения в его “чистоте”. Почему-то мне стало казаться, что столь удачное прогнозирование каким-то образом связано с изучением фондовых материалов. Ведь одной из обязательных составляющих каждого отчёта по геологии и полезным ископаемым того или иного района является “Карта прогноза”, которую, как мне стало казаться, мог случайно запомнить. При этом прекрасно понимал, что делаю попытку оправдаться перед самим собой за столь неожиданный результат. Иначе как объяснить тот факт, что даже не анализировал свои действия, так как отлично помнил, что имел дело не с одним, а с десятками отчётов, что заведомо исключало любое зрительное запоминание (i).

Тем не менее, чтобы развеять возникшие у меня сомнения, уже после окончания полевого сезона сделал прогноз так, чтобы полностью исключить любое знакомство с результатами уже проведённых работ. Для этого выбрал две территории за пределами Камчатского полуострова...

Имея в своём распоряжении космические снимки (КС) и аэрофотоснимки (АФС), прогноз по “лжеструктурным схемам”, составленным с их помощью, сделал довольно быстро. И только после этого нашёл в фондах необходимые отчёты для сравнения, результат которого приведён ниже (рис.18).

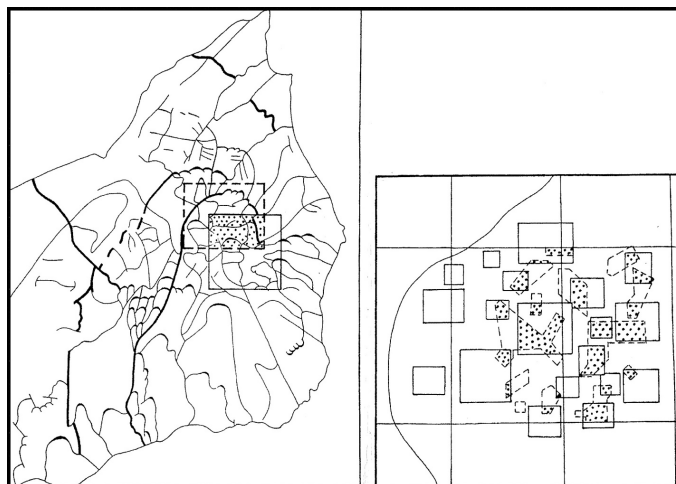

Рис.18. Результат сравнения фактически проведённых геолого-поисковых работ на местности с площадями, выделенными только с помощью дешифрирования КС и АФС.

Сплошной чертой показаны выделенные мной площади с помощью дешифрирования, штрих - пунктиром – площади, на которых уже проводились поисковые работы.

Что касается оценки полученного результата, думаю, читатель придёт к ней самостоятельно, тем более что точками я выделил совпадение прогнозных участков с участками уже проведённых наземных работ.

Но вернёмся к полевым работам, в которых к концу сезона наметились существенные изменения. Дело в том, что после четвёртого участка я стал понимать, что “лжеструктурные схемы” оказались более реальными, чем структурные. Но как это доказать? Казалось бы, ответ очевиден: изучать естественный рисунок на местности. Но до сих пор именно этим я и занимался, прослеживая геологические и структурные границы для составления геологических схем. И даже в зарисовках обнажений не улавливал ничего принципиально нового.

На случай я не полагался, так как твёрдо знал, что мне надо как – то приблизиться к оригиналу, о чём напоминал приобретённый опыт работы с фотографическим рисунком.

Казалось бы, куда дальше. Ведь я в прямом смысле слова ходил по нему (оригиналу) пешком. Но ходить и рисовать – далеко не одно и то же, что привело меня к мысли попробовать перейти от схемы к... карте, всё отличие которых заключено именно в рисунке: более обобщённый на схеме и приближённый к оригиналу на карте. Результат, приведённый ниже и есть следствие такого перехода (рис.19).

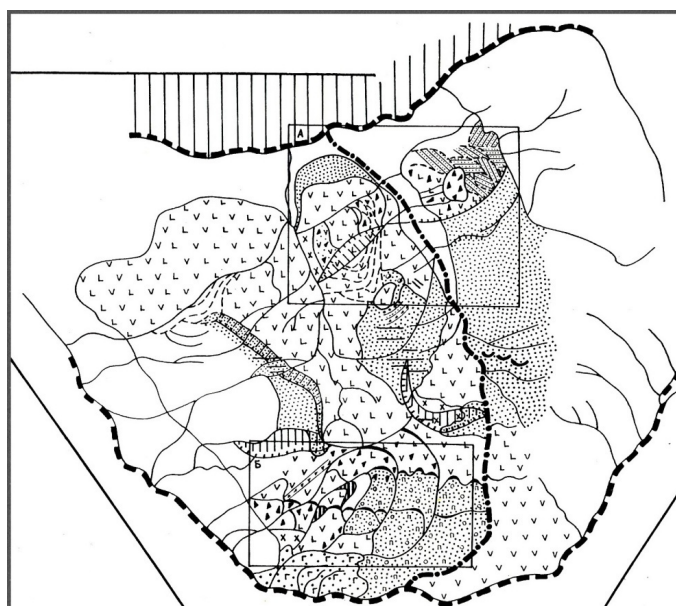

Рис.19. Объяснение в тексте

Первое впечатление было следующее: я сделал то же самое, что делал до сих пор, т.е. проследил и зарисовал геологические и структурные границы; определил и с помощью условных знаков показал состав горных пород, выделил зоны гидротермально изменённых пород и указал местонахождение кварцевых брекчий. Больше того, я даже проследил и специальным знаком (пунктир) выделил блоки пород, очертания которых напомнили мне “лжеструктурные изображения”, полученные с помощью фотографического рисунка. Поэтому, смело могу утверждать, что если бы не многомесячное рисование последних (имеется в виду предполевой, т.е. камеральный период), я бы никогда не обратил внимания на появление на карте нечто нового. Это: отсутствие разломов в привычном для меня исполнении (прямая или изогнутая черта), но присутствие рисунка под названием “рыбья чешуя”.

Другими словами, на местности я нашёл рисунок, который ранее связал с аксиомой визуального и графического несоответствия, что и стало главным отличием от привычного рисования разломов.

Чтобы понять суть сказанного, ниже привожу графический вариант аксиомы визуального и графического несоответствия, полученный при анализе фотографического рисунка (слева); справа – новое для меня изображение “разлома”, полученное... перерисовыванием естественного рисунка на местности.

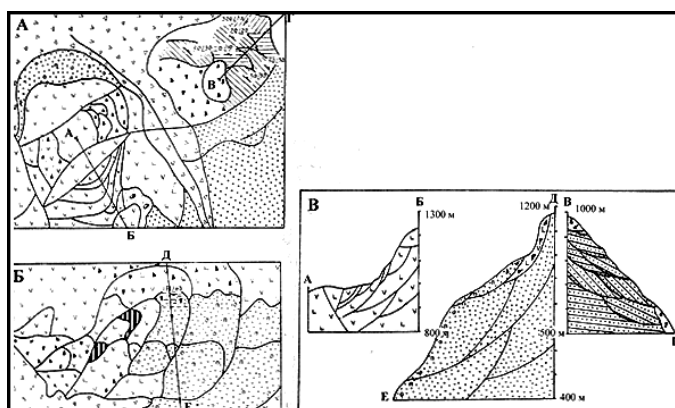

Рис.20. Объяснение в тексте

Иначе говоря, если раньше вместо правого рисунка я нарисовал бы прямую черту (как это показано слева), и назвал бы словом “разлом”, то сейчас это оказалась “рыбья чешуя”, т.е. след самодвижения (без кавычек). (рис.20).

Осознавал ли я суть происходящего? Увы, как и в первом случае, не осознавал – я просто рисовал то, что видел без каких – либо изменений (искажений), т.е. так, как рисунок внешнего мира воздействует на моё восприятие. Другое дело, что здесь факт рассогласования восприятия и изображения разлома уже не просто меня заинтересовал, а привёл к вопросу: “Почему в случае с разломом имеет место искажение реальности?”

Я понимал, что роль предпосылки вопроса выполняет естественный рисунок. Понять не мог другого: с чего начинать поиск ответа, который, кроме меня, никого не интересовал.

Было ли у меня желание отказаться от дальнейшего исследования проблемы? Да, было, ибо её масштабность вышла за пределы фотографического рисунка. А это уже другая ситуация в которой перерисованный и названный по-другому естественный рисунок здесь становится контурной основой геологической карты. Из этого следовало: изображаемые здесь разломы также не соответствуют своему оригиналу. Отсюда вопрос: “Как объяснить причину достоверности проведённого мной прогнозирования?”

Вопросы и ни одного ответа самопроизвольный поиск которого начался с того, что входило в мои непосредственные обязанности: в местах обнаружения кварцевых брекчий (на карте они выделены контурами и обозначены буквами А, Б), рисунки, полученные в плане, дополнил рисунками в разрезе (рис.21).

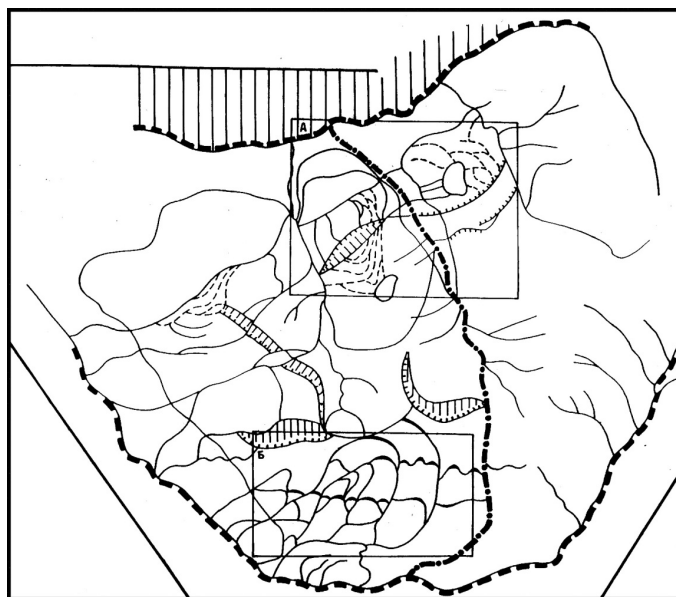

Рис.21.Объяснение в тексте

Первоначально мне показалось, что я не “изобрёл” ничего принципиально нового, т.е. получил три структурно – геологических разреза, где даже форма структурных элементов (чешуйчатая), укладывалась в привычные представления. Но если раньше на этом всё и заканчивалось, то сейчас я обратил внимание на следующее: структурные элементы поискового участка несут в себе черты явно выраженной самодостаточности. Мне это показалось интересным, поэтому перерисовал карту и её фрагменты так, как показано на рис.22,23.

Но, отделив графически структурную часть от геологической, я оказался в тупике, поскольку назвать полученный результат “лжеструктурным”, уже не мог – в противном случае рисунок внешнего мира также надо было бы признать ложным, а это нонсенс, т.е. бессмыслица.

Дальше больше. Я заметил, что если перевести “рыбью чешую” в “разлом”, то в разрезе он не находит своего продолжения.

Другими словами, распространённая методика изображения прямолинейных разломов на глубину у меня отсутствовала по причине... реального отсутствия

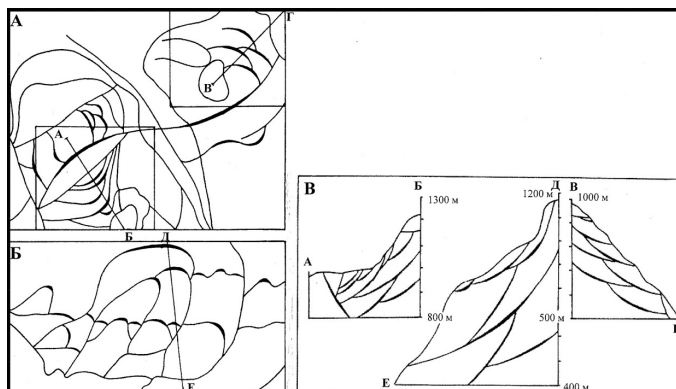

Рис.22. Объяснение в тексте

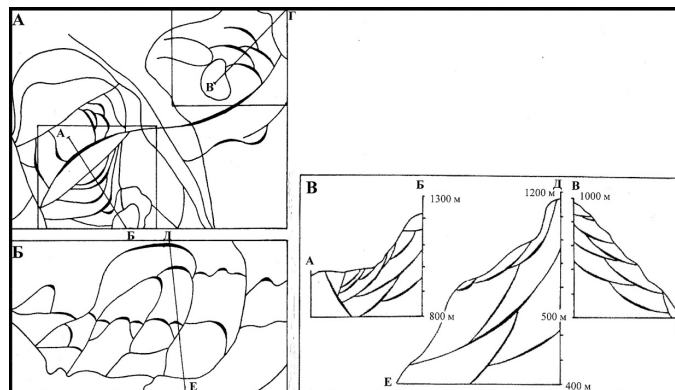

Рис.23. Объяснение в тексте

Я долго осознавал своё же, собственное, наблюдение, пока не понял, что получил рисунок ещё одного разрывного нарушения, название которому – “сброс”.

Почему осознавал? Потому что имеющиеся у меня о нём (сбросе) знания вошли в противоречие с новым для меня наглядным результатом. В переводе на язык внешней речи это означало: к аксиоме визуального и графического несоответствия у меня добавилась аксиома понятийного несоответствия...

Р.С. После всего сказанного и показанного надо ли пояснять почему на окружающий нас мир человечество до сих пор продолжает смотреть только с точки зрения философских размышлений и научно-технических достижений...

Комментарии и цитируемая литература

Комментарии

1. С 1981 по 1985г. я участвовал в геологической съёмке и поисках полезных ископаемых.
2. “Первично или вторично обогащённый участок рудного тела, обычно столбообразной формы, среди более бедных руд. Обычно имеет крутое падение” [2].
3. К сожалению, я не знаком с самим учением далёкого прошлого по банальной причине: отсутствием в библиотеках необходимых материалов, в том числе и в Российской государственной библиотеке (бывшая библиотека имени В.И.Ленина, г. Москва). А все современные интерпретации, мнения, суждения, меня мало интересовали хотя бы потому, что во время геолого-съёмочных работ в пустыне Гоби (Монголия) (а), мне воочию приходилось наблюдать древние выработки (меди, бирюзы, угля), местонахождение которых, с точки зрения современных знаний – предсказать невозможно. К тому же я не понаслышке знаю, как открывались месторождения в бывшем Советском Союзе (участвовал лично). Поэтому, обращение к термину (слову) Геомансия – это, прежде всего, моя дань уважения тем первопроходцам далёкого прошлого, которые делали то, что сейчас мы называем поисками полезных ископаемых. Но как это делали? – вопрос без ответа, за исключением разве что следующей оценки понимания ситуации.

“Паранаучное знание нередко изображают как ультрасовременный феномен, как нечто, куда ещё только-только ступает человеческая мысль. Это, конечно, не так. Это знание известно очень давно, а некоторые его виды, например, астрология, старше обычных наук. Достаточно устойчивый их перечень сложился к концу XVII в. В него обычно помещали алхимию, астрологию, геомансию (предсказание месторождений по внешним чертам земной поверхности), фитогномию (приписывание лечебной силы растениям на основе их подобия или символического соответствия тем или иным частям человеческого организма)” [3 с.159].

Таково мнение философов о Геомансии.

- Результат анализа здесь не приводится.
- Матрицей я назвал фотографический рисунок, полученный с помощью специально приготовленного проявителя.
- Линеаменты от линейных зон отличаются отсутствием достоверной информации об их связи с разрывными нарушениями.
- Наблюдение, которое привело к пересмотру основ дешифрирования.
- В последующем аксиома визуального и графического несоответствия легла в основу пересмотра самого понятия разлом, а его изображение на топографический, геологической, тектонической и любой другой карте, в одном случае, на аэрофотоснимке (АФС) и космическом снимке (КС), в другом, стал понимать как геометрическое изображение пустоты (другое название – “околоземное Пространство”).
- В последующем аналогичные сомнения были и у специалистов, с которыми я работал.

Литература

1. Выготский Л.С. Собрание сочинений: В 6-ти т. Т.2. Проблемы общей психологии. Мышление и речь /Под ред. В.В. Давыдова. – М.: Педагогика, 1982. – 504 с., ил. – (Акад. пед. наук СССР).
2. Геологический словарь в 2-х т. Т.2 – М.: Недра, 1973. – 456с.
3. Филатов В.П. Научное познание и мир человека. – М.: Политиздат, 1989. – 270с. – (Над чем работают, о чем спорят философы).
4. Шрейдер Ю. В поисках сознания. Знание - сила. №11, 1988 г.